

ТОТАЛИТАРИЗМ

И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

14 ВЫПУСК

Понимаева Е.А.

ОБРАЗ «ВНУТРЕННЕГО ВРАГА» В ДЕБАТАХ
О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ В 1791-1793 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СТРОГАНОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ НИ
ТГУ)

Продвигаясь к власти во Франции с левого фланга Законодательного собрания, жирондисты сделали ставку на внешнюю политику. Они смогли использовать международную напряженность и даже ее прямое и откровенное нагнетание для проведения чрезвычайных мер и удержания патриотического настроя. Это позволило им создать собственное правительство и учредить Первую республику. Однако, средства, которые они изобрели для подавления оппонентов, позволили последним через некоторое время уничтожить самих жирондистов.

Ключевые слова: Революция 1789 г., Вареннский кризис, Законодательное Собрание, Жак-Пьер Бриссо, Робеспьер, антифранцузская коалиция, сторонники и противники войны с Австрией, жирондисты, террор.

Бегство дворян-противников Революции, начавшееся сразу после 1789 года, стало одним из первых шагов на пути к войне с антифранцузской коалицией. Эмигранты подталкивали правящие слои Австрии и других стран к началу войны с Францией и восстановлению Старого порядка. В июне 1791 года Людовик XVI и Мария-Антуанетта сами попытались бежать из страны и примкнуть к австрийским эмигрантам, но были задержаны и возвращены в Париж. Это событие, известное как Вареннский кризис, убедило революционеров в том, что король отрицает принципы конституционной монархии, установленные в 1789 году, а также подорвало авторитет Законодательного собрания, начавшего свою работу в 1791 году.

В это время Жак-Пьер Бриссо становится заметной фигурой в Законодательном собрании. До Революции деятельность Бриссо была связана с литературой и написанием различных памфлетов. За некоторые из них он даже был осужден и содержался в Бастилии. До Революции он несколько лет прожил в Англии, выступал против рабства, и даже основал Общество друзей чернокожих в 1788 году. Вдохновленный Войной за независимость, он намеревался переехать в Америку, однако 1789 год изменил его планы.

С самых первых дней дебатов в Законодательном собрании проходили в атмосфере страха перед возможным вторжением во Францию армий Австрии и Пруссии. В августе 1791 года австрийский император Леопольд II издал Пильницкую декларацию, в которой угрожал Франции военным вторжением, в случае если жизнь короля и его семьи будет в опасности. И хотя европейские монархии не были единодушны в вопросе войны, а австрийская декларация была лишь способом успокоить эмигрантов, она оказала пагубный эффект на дебаты в Законодательном собрании, сделав заявления о необходимости нанести упреждающий удар более убедительными.

В течение зимы 1791-1792 годов Бриссо и его сторонники поддерживали идею войны с антифранцузской коалицией в Законодательном собрании и Якобинском клубе. Среди якобинцев их главным оппонентом выступал Робеспьер. В своих выступлениях Бриссо разворачивал следующий план: дестабилизировать политическую ситуацию, вынуждая Людовика XVI занять определенную позицию. В таком случае, считал он, король либо примет новый революционный порядок, либо открыто выступит как его враг. В последнем случае, король и конституционная монархия должны быть свергнуты на новом этапе революции. Более того, в своих речах Бриссо высказывал надежду, что монарх станет предателем: «Я боюсь только того, что мы не будем преданы. Нам нужны великие измены, наша безопасность зависит от них. В сердце Франции еще слишком много яда, и только сильные потрясения смогут его изгнать» [1. Т. X. Р. 171-173]. Это был очень рискованный план, основанный на надежде, что война закончится быстро и принесет Франции победу. Бриссо не только отрицал, что война развяжет террор в стране, более того, он утверждал, что война положит конец террору, предательствам и анархии [1. Т. X. Р. 171].

Избрав в качестве мишени эмигрантов и австрийского императора, обвиняемых в подстрекательстве к совершению контрреволюции, жирондисты пытались вынудить короля разоблачить себя и самому представить доказательства, что он никогда не согласится с Конституцией 1789 года. Бриссо ошибочно думал, что Людовик XVI ни за что не захочет начать войну против Австрии, с которой был связан браком. Он рассчитывал отделить короля от нации, заставить его выступить в роли врага Революции и установить, наконец, республику.

У Робеспьера был более реалистичный – пророческий – взгляд на связь между войной и террором: «Война породит террор, заговоры, взаимные обвинения, предательства, наконец, человеческие жертвы» [1. Т. X. Р.159-161]. Выступая в Законодательном собрании 2 и 11 января он развивал доводы против начала войны. Робеспьер не был противником войны в принципе, он

не был пацифистом, однако считал опасным подвергать Революцию непредсказуемым последствиям войны. Он предостерегал, что французская армия еще не в состоянии воевать, а преданность офицеров (многие из которых были дворянами) сомнительна. Инициатива Бриссо, считал Робеспьер, оставит Францию во власти военной элиты [1. Т. X. P. 162-164].

Бриссо представлял войну с антифранцузской коалицией как «кампанию в защиту всеобщей свободы», распространение идей Революции в других странах. Он утверждал, что французские революционные армии принесут «свободу», которая будет восторженно принята угнетенными народами [1. Т. X. P.180]. Робеспьер выступал против экспансионизма Бриссо, говоря, что «никто не будет приветствовать вооруженных миссионеров», и безопасней будет защищать Революцию в самой Франции, чем распространять ее за границу [1. Т. X. P. 181]. Камиль Демулен так описывал выступления Робеспьера в Якобинском клубе: «Невозможно представить, с какой энергией, с какой точностью он вступал в дискуссию. Он мог довести до слез не только женщин, сидящих на верхних скамьях, но и половину собрания» [2. P. 325]. Тем не менее, предупреждения Робеспьера о неизбежных бедствиях оказались менее привлекательными в Законодательном собрании, чем воинственные выступления Бриссо и жирондистов. Они победили рационализм и осторожность Робеспьера, сделав ставку на патриотизм французов.

До декабря 1791 года дебаты между Бриссо и Робеспьером были учтивыми, даже дружескими, однако отношения испортились, когда лидер жирондистов заявил, что отрицая необходимость войны, Робеспьер «способствует расколу» в стране и его следует осудить. «Что же касается меня, - говорил Бриссо 20 января, - я поддерживаю идею войны лишь руководствуясь своей совестью» [1. Т. XI. P. 35]. Робеспьер был оскорблен тем, что его считают противником общественных интересов, и конфликт между ними перешел на личный уровень.

Дебаты вышли за пределы Законодательного собрания: с 1792 года жирондистам удалось взять под контроль значительное количество парижских газет, а также *Корреспондентский Комитет* Якобинского клуба, так они могли влиять на якобинцев в провинции. Кроме того, жирондисты использовали слова Робеспьера о неготовности французской армии против него самого, обвинив его в том, что он не является патриотом. *Луве* заявлял, что за пацифизмом Робеспьера скрывается его личное стремление захватить власть в стране [1. Т. XI. P. 59]. Сторонникам Бриссо удавалось блокировать выступления Робеспьера в Якобинском клубе, где он стал практически изгоем.

Немногочисленные сторонники Робеспьера нанесли ответный удар. Жан-Поль Марат напал на Бриссо в своей народной газете «Друг народа». Сам Робеспьер начал издавать газету «Защитник конституции», отчасти ради того, чтобы без помех вести полемику с жирондистами. Наиболее сильный удар по репутации Бриссо нанес Камиль Демулен в своем памфлете «Разоблаченный Бриссо», где обвинял лидера жирондистов в продажности и стремлении подорвать революцию изнутри. Даже республиканизм Бриссо он сумел использовать против него: *более мудрые головы – включая Робеспьера – полагали, что республиканское правление не годится для Франции, оно только усугубит конфликт и погубит революцию* [3. Р. 156].

Популярность Бриссо пошатнулась среди радикально настроенных якобинцев и на улицах Парижа, однако в Законодательном собрании его позиции оставались сильны. 14 января 1792 года по инициативе Арманда Жансонне был принят декрет, по которому каждый, кто будет добиваться примирения с Австрией посредством переговоров, будет обвинен в государственной измене и казнен. Жансонне поддержало не только подавляющее большинство депутатов Собрания, но и сидевшие на верхних скамьях наблюдатели, в том числе и женщины [1. Т. XI. Р. 85]. С этого времени можно говорить о новом этапе революции: теперь представители оппозиции *классифицировались* как предатели и «внутренние враги» («the enemy within»).

Первым делом подобного рода, стало осуждение Делессара – министра иностранных дел. Он был обвинен в тайной переписке с австрийцами. И хотя неопровержимых доказательств не было, Бриссо заявил, что «моральных доказательств» вполне достаточно.

Бриссо извлек выгоду из этого процесса, получив решающий голос в вопросе формирования нового – жирондистского – кабинета министров. Как депутат Законодательного собрания он не мог занять пост министра, но смог поставить друзей на ключевые позиции: *Клавьер* стал министром финансов, *Ролан* – министром внутренних дел, *Серван* – любимец мадам Ролан – военным министром. Ключевое назначение на пост министра иностранных дел получил *Дюмурье*, близкий друг Жансонне. Союз Дюмурье основывался скорее на тактических соображениях, так как его больше интересовала военная и политическая карьера.

В марте 1792 года власть в Австрии перешла к Францу II. 24-летний был более воинственным и менее осторожным, чем его отец. Жирондисты, заняв господствующее положение в Законодательном собрании, все активнее призывали к объявлению войны. Многие депутаты поддерживали воинственную риторику Бриссо и его партии, опасаясь обвинения в «недостатке патриотизма». Наконец, 20 апреля 1792 года подавляющее большинство депутатов (768

человек) поддержали декрет об объявлении войны Австрии, только семеро проголосовали против.

Бриссо оказался прав: войны положила начало новому этапу революции, монархия была упразднена. Но он ошибся в другом: революционной армии не удалось завершить войну за несколько месяцев, военный конфликт усиливался, и вскоре Париж оказался под угрозой иностранного вторжения.

Естественно, общественное недовольство обратилось против Бриссо и его сторонников как в Законодательной собрании, так и за его пределами. Важно отметить, что народ намеревался осудить их не как безответственных и некомпетентных политиков, но, используя понятия самих жирондистов, как предателей и «внутренних врагов».

Чувствительным ударом по репутации жирондистов стало поражение и предательство генерала Дюмурье в битве под Неервинденом в марте 1793 года. Он обвинялся в попытке перейти на сторону врага и повести войска на Париж для свержения революционного правительства.

Поддержка и доверие, которые оказывали жирондисты генералу, помогли Робеспьеру и монтаньярам осудить их и изгнать из Национального конвента летом 1793 года.

Хотя имя Бриссо в целом ассоциируется с умеренной политикой, весной 1792 года, будучи убежденным в своей правоте, он стал выразителем крайних взглядов в полемике с Робеспьером и якобинцами. Вполне возможно, что Бриссо искренне верил в силу французской армии, и в то, что за границей она будет встречена как освободительная. Однако, ни он, ни его сторонники не учли, или не захотели учесть, что война с антифранцузской коалицией положит начало внутреннему террору в стране.

Литература:

1. Gazette National ou Le Moniteur Universelle. Paris, 1791. Tome 1, 468 p. Tome 2, 479 p.
2. Oeuvres de Camille Desmoulins recueillis et publiés d'après les textes originaux. Tome. 1. Paris, 1874. 778 p.
3. Desmoulins C., Ouvrage illustré. Paris, 1908. 360 p.